

Адольф АЛЬБИН

К 100-летию публикации

Шахматные турниры наших дней

ри беспристрастном наблюдении за современными шахматными турнирами, производящими каждый раз на свет нового «Champion of the World», приходишь к ясному убеждению, что успехам этого вновь испеченного «шампиона» содействует вовсе не искусство, а лишь недюжинная память, выдержка или, лучше сказать, **высшиживание**. Какая громадная разница между теперешними игроками «первой категории» и прежними маэстро, игра которых была действительно искусством, в благороднейшем смысле этого слова! Какое изящество, разнообразие средств и какая классическая красота выказывалась в их игре! Достаточно одного **Морфи** для обозначения этой истинно классической школы.

Когда во время своего последнего пребывания в Париже я посетил местный исторический шахматный ресторан («Café de la Régence»), в котором до сих пор как воспоминание еще хранится шахматный столик Наполеона I с вделанной серебряной доской, я там случайно встретился с престарелым, но еще бодрым как физически, так и умственно Арну де Ривьером, этим единственным оставшимся в живых шахматным «шампионом» Франции, который имел счастье играть с Морфи — «королем всех королей». Мы оба в глубокой задумчивости глядели на находящийся там бюст Морфи, я невольно проникся чувством глубокого почтения, и во мне тотчас же явилась потребность услышать что-нибудь из уст Арну де Ривьера об этом бессмертном художнике шахматного искусства. Тот охотно рассказывал о прошлом и с увлечением повторял: «Hélas! Mr. Morphy, c'est le soleil entre les joueurs d'échecs!» («Ах! Г-н Морфи — это поистине солнце, сияющее среди шахматистов!») И действительно, этот прославившийся повелитель 64 клеток — никогда не заходящее солнце на шахматном небосклоне.

На мой часто предлагаемый в шахматных кружках вопрос, мог ли бы Морфи в наше время иметь успех, Арну де Ривьер заметил: «Правда, современная шахматная игра превратилась вследствие накопившейся гигантской груды анализов и различных теоретических «дебютов» в какую-то мнемотехнику, но для такого феноменального таланта, какой был у Морфи, это были бы неопасные подводные камни: его быстрое понимание «положения», глубокое, ясное мышление, необычайная способность к глубоким комбинациям, достойное удивления

спокойствие при игре доставили бы ему, всегда гарантированному от поверхностных ошибок, несомненную победу».

Достойными Морфи партнерами были покойные Андерсен и Цукерторт. Многие партии этих матадоров представляют собой античные жемчужины, и чем более мы углубляемся в результаты их остроумия, тем более утверждается в нас убеждение, что игра этих знаменитых игроков была **поэзия**, тогда как игра современных шахматистов, за немногими исключениями, — **проза**, и простая, сухая проза. Последних в их игре можно уподобить туристам, не снарядившимся для горных прогулок и потому предпочитающим протоптанные тропинки плоских равнин, идя которыми, достигая цели спокойным и верным, хоть и черепашьим, шагом. Что касается первых, то их можно сравнить с путешественниками, которые, дабы насладиться природой во всем ее великолепии, не останавливаются ни перед каким трудом и напряжением, ни даже перед явной опасностью, и смело поднимаются до самой вершины. Но, чтобы насладиться этой опасной вершиной, путешественнику недостаточно одной силы и воли: ему необходима также любовь к прекрасному, как необходим талант шахматному игроку; он должен уметь создавать художественные комбинации во всех случаях, когда его путеводитель-теория сталкивается с непредвиденной угрозой противника. Его всевидящее око должно заранее угадывать все эти опасности, чтобы искусно избежать их и, достигнув цели, насладиться красотой собственного творчества.

И в шахматной игре есть жизнь и поэзия. Насколько ограничены рамки действия, настолько же обширно поле фантазии. Богатство комбинаций необъятно; и мы тем более теряемся, чем более в них углубляемся. Но с того момента, как шахматная игра стала производиться научным образом, она потеряла всю свою привлекательность и перестала быть игрой. До науки она, конечно, никогда не может возвыситься, хотя уже и теперь имеет богатейшую по содержанию литературу.

В наше время серьезные шахматные игроки, если не хотят уступить славы другим, должны, подобно концертным и оперным артистам, располагать большим репертуаром «теоретических дебютов» с новейшими вариантами и лучшими анализами.

А сколько усиленного и утомительного прилежания в течение многих и многих лет нужно употребить для достижения известной степени совершенства! Несмотря на это, шахматная игра есть самое благодарное поле для человеческого знания. Каких прекрасных результатов можно было бы достигнуть при таком усиленном и усердном изучении в какой-нибудь

Редакция журнала «Шашечница»: «Статья эта, появившаяся не в шахматном органе, в венской газете «Die Presse» (№ 155, 1891), принадлежит перу сильного венского игрока А. Альбина. Можно, конечно, не соглашаться с его мнениями, но она заслуживает внимания» (1891).

ных «ученых», самые безнадежные партии и тем выказывал в полном блеске свой завидный талант. Но только игрок, подобный Стейницу, и может себе это позволить. По умственной мощи он — шахматный слон, для пробития шкуры которого потребовалось бы много пуль. Может быть, он, впрочем, обладает гипнотической силой, посредством которой значительно влияет на игру своих соперников?..

Но возвратимся к обсуждаемой нами теме. Выигрыш партии уже виден, «по теории», в самом дебюте. Какой-нибудь по книжке заученный хороший или дурной вариант вполне определяет успех или неуспех. Вокруг намеченного слабого пункта один противник, так сказать, вертится до тех пор, пока другой не сдастся. У равносильных игроков, хотя, кстати сказать, игроков вполне равной силы не бывает, талант начинает играть главную роль лишь после того, как опасность начала партии (так как в начале — главная опасность) уже миновала и каждый предоставлен своим собственным силам. Эта новая школа, девизом которой служат **ничего неделание, выжидание и препирание**, пока противник не сделает слабого хода или ошибки, обязана своими успехами сильному развитию теории.

И если, несмотря на все это, в теперешних шахматных турнирах иногда встречаются блестящие партии, то это — уникальное событие. Доказательством этого служит введенный в настоящее время **приз за красоту игры** для игрока подобной партии. Такой случай был, например, на нью-йоркском шахматном конгрессе 1889 года, где **г-н Поллок** показал во встрече с сильнейшим теоретиком **Максом Вейсом** (при том в **испанской** партии, которая считается коньком последнего) поистине блестящую и гениальную игру, хотя шахматные «ученые» и называют ход, которым он начал такую удивительную и глубокую комбинацию, слишком рискованным.

другой области знания! Даже не достигнув высшей ступени в другой науке, можно все-таки довести это изучение до известного положения, что в шахматной игре немислимо, и к ней можно лишь относиться как к любому другому спорту, дающему лишь **удовольствие** взамен потраченного золотого времени.

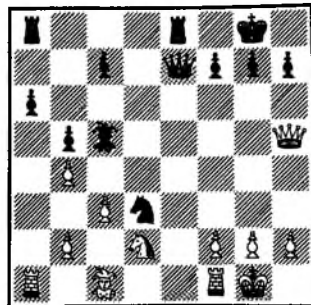
Бросим взгляд на мастерскую современного игрока новейшей школы. Находящиеся в наличии анализы теоретических партий со всевозможными вариантами достигают чуть ли не размеров Эйфелевой башни. Их насчитывается, по меньшей мере, до **восемнадцати тысяч**.

Вследствие изобретения этой теории шахматный игрок, если не имеет природного дарования, обязательно впадает в шаблонную игру и теряет всякое самостоятельное суждение. Положим, он приобретает известную силу в игре, но сила эта все-таки будет искусственной; игрок этот будет походить на кописта в искусстве, который хотя и умеет составлять краски, но не умеет сам придать необходимые тона картине; ему недостает оценки положения, что свойственно только истинному гению.

Насколько верно высказанное нами наблюдение, доказывают известные случаи в происшедших до сих пор состязаниях шахматного колосса Стейница, когда он, идя собственным путем, часто совершенно отступая от теории, выигрывал самые плохие и, по мнению шахмат-

Вот эта партия с краткими примечаниями Э. Шиффера:

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. d3 b5 6. Cb3 Cc5 7. c3 d5 8. ed K:d5 9. Фе2 0—0 10. Фе4 Ce6 11. K:e5? (лучше было 11. Kg5 g6 12. K:e6) 11... K:e5 12. Фе5 Kb4! 13. 0—0 (если 13. cb, то 13... C:b4 14. Kc3 C:b3 и т. д.) 13... K:d3 14. Фh5 C:b3 15. ab Le8 16. Kd2 (грозило 16... K:f2 17. Л:f2 Le1X) 16... Фе7 17. b4.

17... С:f2! 18. Kph1 (18. Л:f2? К:f2 19. Кр:f2
Фе3 и 20... Фе1×) 18... Фе1 19. h3 К:c1!!
20. Л:e1 Л:e1 21. Kph2 Cg1 22. Kpg3 Ле3 23.
Kpg4 Ке2 24. Кf1 g6 25. Фd5 h5 26. Kpg5 Крg7!
27. К:e3 f6, и мат в два хода.

В такой-то игре и заключается истинный смысл красоты и гениальность этого искусства: это есть любовь к настоящей шахматной игре! Хотя мы и находим ее у многих венских, берлинских и английских игроков, все-таки наибольшее число теперешних турнирных мастеров идет под флагом новой школы, которая есть не что иное, как собрание упомянутых теоретических анализов в «памятный сундук», и которая только и добивается выигрыша пешки и затем, после благоприятного обмена фигур, спокойного причаливания к берегу. Может быть, при недостатке гениальных мыслей и практичнее, и удобнее ради успеха играть на выигрыш пешки, но это — не истинная шахматная игра.

Но вернемся к мастерской современного игрока. Представьте его вооруженным для турнира «памятным сундуком» величиною с Эйфелеву башню, и можно иметь понятие о том умственном балласте, который он должен всегда за собой таскать.

Ему необходимо, образно выражаясь, иметь в запасе, как торговцу, отправляющемуся на ярмарку, достаточное количество самых «ходких» образцов, чтобы в случае спроса выложить все свои товары: французские, английские, русские, испанские, сицилианские, шотландские, а также венские и берлинские. Если кто-либо из конкурентов был недостаточно предусмотрителен и не запасся самыми новейшими и лучшими вариантами этих перечисленных шахматных партий, то он может спокойно снарядиться в обратный путь. Так приблизительно выгладят современные турниры, и назначаемые призы за отличие награждают, следовательно, не искусство, а тех, которые лучше вызубрят «книжку».

И таким образом вырастают нынешние «мейстеры», как грибы из земли; бюллетени турнирных побед рассылаются телеграфом на все четыре стороны, торжественно раздаются призы, устраиваются празднества, банкеты и пр., — словом, мертвые буквы обретают жизнь! Печальная сторона всего дела — возвращение большинства игроков восвояси без малейшей доли призов, которые по справедливости должны были быть распределены пропорционально за выигранные партии, так как все принимавшее участие в турнире с одинаковым рвением и по одной и той же методе зубрили «книжку».

Вопрос этот достаточно назрел, и пора бы турнирным комитетам позаботиться о чрезвычайных реформах в своих Положениях, хотя бы для пресечения тщетной траты молодых сил для многолетней подготовки к несимпатичным и нецелесообразным турнирам.

«Шашечница» № 2 (август), 1891

Эмануил ЛАСКЕР:

«Идеализм ущербен»

Под немецким заголовком, который можно перевести как «Прогулки по черно-белому пространству», Адольф Альбин вскоре собирается издать книгу. Пока что он представил нам отрывок из нее, опубликованный в последнем номере «Wiener Schachzeitung». В нем Альбин пускает гневные стрелы в адрес действующей системы распределения призов в турнирах и высокомерных чемпионов, которые, по его мнению, слишком много требуют и слишком мало оставляют тем, кого считают малыми мира сего, причем не только в смысле славы, но и по части презренного металла.

Его самая первая фраза направлена прямо в цель: «Высшие создания, божества, возникли из суеверия; чемпионы — из фальшивой системы проведения турниров». И далее: «Почтовый экипаж, кринолин и восемнадцатитомные романы исчезли давным-давно, но ложная идея Отцов турниров, будто количество набранных очков определяет степень шахматного мастерства, по-прежнему жива». Затем он развивает мысль о том, что «бессмертные» (по меньшей мере, как правило) выигрывают не благодаря превосходству в силе: простые смертные любопытным образом утомляются и проигрывают сами. Такая идея требует серьезного подкрепления фактами. Показать, что Стейниц ошибся в партии с Яновским, недостаточно даже для десятой доли процента потребных доказательств. Чтобы обосновать теорию Альбина, нужна по меньшей мере тысяча подобных фактов...

Далее Альбин наносит ущерб собственной позиции. Он не возражает против того, чтобы чемпионы проявляли свое превосходство посредством набранных очков, — он лишь против их недостаточного идеализма. Они требуют слишком много денег — к этому все и сводится, — оставляя идеализм своим (воображаемым) менее знаменитым соперникам. Альбин забывает, что идеализм испытан на практике и доказал свою ущербность. Идеальные шахматные мастера побеждены в их собственной игре шахматным миром, населенным множеством идеальных джентльменов. Истина в том, что к настоящему времени все они умерли с голоду.

Согласно моей теории, противоречащей Альбину, никто не имеет права на такую прекрасную вещь, как идеализм, пока не победит материальные затруднения и нужду. Так поступает большинство, а большинство, существуя долгое время в определенной системе поведения, может считаться полностью или в большей мере постигшим истину. Альбин, достойный джентльмен сам по себе, абсолютно не имеет права (и никто, кроме пророка, не имеет права) требовать идеализм как пошлину. Прежде чем налагать на людей требования, нужно осведомиться об их обязанностях. Обычно между тем и другим есть несоответствие...

«Lasker's Chess Magazine», март 1908

Афоризмы Альбина

етыре года назад хорошо известный румынский шахматист г-н Альбин опубликовал небольшую книжку («Schachaphorismen und Reminiscenzen», 1899.—Прим.

ред.), содержащую некие личные воспоминания, немного партий и собрание остроумных мыслей о шахматной игре.

Читатели германской шахматной периодики уже давно знают его как самобытного и ярко-игрока. Адольф Альбин родился в 1848 году в немецкой семье и до 1890 года пробовал свои силы в разных областях коммерции, а затем полностью посвятил себя шахматам.

«Альбин родился в Бухаресте, учился в Вене на торговца, а затем служил у немецкого короля железных дорог д-ра Штроусберга, пока тот не разорился. Однако г-н Альбин избежал беды, вернувшись на несколько лет в Вену.

Богиня шахмат посетила г-на Альбина уже в зрелом возрасте, но его убеждение в том, что учиться никогда не поздно, оказалось столь крепким, что он быстро выдвинулся в первые ряды...» (из английской сборника «Гастингс-1895»).

Известность пришла к нему в 1892 году после победы над Таррашем на дрезденском турнире — это было первое поражение маэстро со времени франкфуртского турнира 1887 года (на самом деле — со времени турнира в Бреславле, 1889.—Прим. ред.). Затем Альбин посетил Нью-Йорк и другие города Соединенных Штатов, что описал впоследствии живо и увлекательно. Он играл в известном «утешительном турнире» 1893 года, который столь бли-

стательно выиграл Ласкер, потом вернулся в Вену и наконец обосновался в Ганновере, где и выпустил упомянутую нами книжку. С той поры он принимал участие в большинстве крупных международных турниров, таких, как Гастингс, Нюрнберг, а также в недавнем состязании в Монте-Карло. Альбин никогда не претендовал на приз, но всякий раз ему удавалось сыграть несколько отличных партий, и он всегда представлял опасность для фаворитов.

Приведем образчик автобиографии г-на Альбина.

«20 июля 1893 года я ступил на палубу парохода «Columbia» обычным пассажиром второго класса, а 30-го высадился в Нью-Йорке одним из первоклассных маэстро Старого Света. Этим, понятно, я был обязан своей героической победе над Дрезденским Голиафом. Мое посещение Манхэттенского шахматного клуба сравнимо разве что с пребыванием в Эльдorado: никогда и нигде не встречал я такого приема, это были самые счастливые дни в моей жизни. Не успел я прибыть в Нью-Йорк, как «Sun» уже поместила мой портрет и биографию, и таким образом моя скромная персона стала известна во всех уголках Америки.

Я приехал как раз в тот момент, когда предполагавшийся матч между Стейнцем и Ласкером нуждался в каком-нибудь новом импульсе — естественно, заинтересованной стороной был Ласкер. Необходимые усилия были предприняты, в результате чего состоялся турнир — в немалой степени благодаря таланту и изобретательности г-на Кассела, шахматного редактора «Staatszeitung» и неугомимого защитника всех поклонников е2—е4. Итог турнира общеизвестен: г-н Ласкер занял первое место, набрав 13 очков при 14 участниках! Я же со своими 8 1/2 набранными и 4 1/2 бездарно потерянными очками получил второй приз. А Пильсберли, проиграв мне партию, которая решила судьбу второго приза, остался вообще ни с чем. Я, правда, тогда же в беседе с одним из членов Манхэттенского клуба сказал о нем: «Еще год-два практики — и он победит Ласкера!» На четверном турнире в Санкт-Петербурге (1895/96) это мое предсказание сбылось».

А вот еще один отрывок из книги Альбина. Это шуточное описание одной забавной истории, приключившейся на турнире в Нюрнберге (1896). Говорили, что Стейниц и Пильсберли предложили Альбину вознаграждение, если он выиграет или сведет вничью партию последнего тура с Таррашем; понятно, что результат этой партии существенно влиял на распределение призов. В своих примечаниях к партии Тарраш тоже касается предполагаемой сделки и язвительно комментирует ее. Но это уже другая сторона истории.

Шахматная комедия в Нюрнберге

(в одном действии)

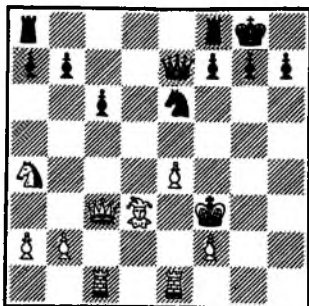
Место действия: турнирный зал непосредственно перед откладыванием.

Явление I

Директор турнира разносит конверты, в которые нужно положить бланки с записанным ходом. В нашей партии с Таррашем позиция следующая:

ТАРРАШ

АЛЬБИН

Ход был мой. Я записываю 28...Lad8 и с ведома Доктора и президента комитета запечатаю свой бланк в конверт.

Доктор испаряется.

Явление II

Запыхавшийся от быстрого бега, вбегает директор и скрипящим голосом требует, чтобы я сдался.

— Почему? — спрашиваю я, потирая лоб.

— Я не давал сигнала к откладыванию, и вы записали ход

слишком рано. Что ж тут непонятного? Вы сдаетесь?

— Ни за что! — отвечаю я патетическим, звенящим от напряжения тенором.

(Галерка аплодирует.)

Шум, неразбериха, мой стол окружают большишки. Стейниц и Пильсбери громко протестуют, но — увы! — все тщетно. Объявлен сбор комитета.

Явление III

Судья: — Почему вы не сдаете партию?

Я: — Потому что не хочу!

Судья: — Так все-таки: почему вы так быстро спрятали свой ход в конверт?

Я: — Чтобы он не успел остыть.

Судья: — Но ведь г-н Стейниц предлагал вам награду за эту партию?

Я: — Г-н Стейниц, вероятно, знает, что в последних турах слабые игроки часто страдают от «Durchfall»* и плохо играют. Этим соображением он и руководствовался.

Судья: — Значит, вся эта история — неправда, так что ли?

Я: — Нет.

Судья: — Так что же правда?

Я: — Блестящая комбинация д-ра Тарраша!

* Понос (нем.) — Прим. ред.

Судья: — Что ж, мы побеседуем с Доктором. Подождите, пожалуйста.

Явление IV

Пять часов пополудни, а я все еще жду. Комитет обсуждает вопрос при закрытых дверях, что, впрочем, не мешает г-ну Ласкеру энергично протестовать от моего имени, и окончательный вердикт выносится в мою пользу. Однако возбуждение и большой перерыв возымели действие. Партию я проиграл, и г-н д-р Тарраш стал, по словам Пильсбери, «призером Комитета».

«Checkmate», июнь 1903

В качестве второго действия «Шахматной комедии в Нюрнберге» предлагаем читателям рассказ другого ее главного действующего лица — д-ра Зигберта Тарраша, взятый нами из турнирного сборника, вышедшего в 1897 году в Лейпциге на немецком языке.

«Первый приз был уже в надежных руках, но совершенно неясным и непредсказуемым оставалось то, кому достанутся следующие призы. Разница в очках между претендующими на них шахматистами была так мала (Мароци — 11 $\frac{1}{2}$; Стейниц, Пильсбери и д-р Тарраш — по 11; Яновский — 10 $\frac{1}{2}$), что все упомянутые лица имели шансы на 2-й приз. И все же наилучшие виды на него имел Мароци, но 3-й мог в равной мере достаться Пильсбери, Стейницу и д-ру Таррашу, причем каждый из них мог быть с тем же успехом отброшен на 6-е место. При этом д-р Тарраш имел преимущество, встречаясь в последнем туре с Альбином, у которого давно уже не было шансов на призовое место, в то время как Пильсбери и Стейниц имели дело с противниками более сильными и заинтересованными, поскольку играли между собой.

Чтобы повлиять на сие невыгодное положение, Пильсбери и Стейниц основали нечто вроде акционерного общества с ограниченной ответственностью. Его целью было побудить Альбина напрячь все силы. Капитал общества составил 10 фунтов стерлингов; тот из упомянутых господ, кто станет победителем, обязывался выплатить их Альбину в случае его выигрыша у

д-ра Тарраша. При ничьей выплате подлежала половина суммы. Об этом проекте был поставлен в известность турнирный комитет, который выразил резкие возражения акционерам: с какой стати д-р Тарраш должен играть с противником на 10 фунтов более «тяжелым», чем остальные? И все же общество было основано, и Альбин сражался до 11 часов вечера, словно речь шла о жизни или смерти. Однако до выплаты из основного капитала дело не дошло, поскольку Альбин, хотя поначалу и стоял совсем плохо, одним махом упустил хорошие шансы, предоставившие ему благодаря удачному жертвованию, и проиграл».

Явление V

Место действия: позиция, изображенная на последней диаграмме.

«28... Lад8 29. Лg1.

Единственный ход; черные грозил прежде всего 29... Фg5 с последующим Ке6—d4.

29... Кd4.

К очень интересным осложнениям приводит 29... b5. Могло последовать 30. Кс5 Ф:с5 31. Л:g7 Крh8 32. Фf6!! Л:d3 33. Крg4 h5 34. Крh4, и у черных нет ничего лучшего, чем жертва ферзя на f2, после чего белый ферзь выигрывает против ладьи с конем.

30. Крg2 Фh4 31. Лh1 Фg5.

Лучше было 31... Фg4. Некоторые участники турнира полагали, что в этом случае Альбин выигрывает целых 10 фунтов, однако они заблуждались, ибо этот ход стоил не более 5 фунтов: 32. Крi1 Фf3 33. Лh4 Кf5 34. e1

Л:d3 35. Фе5 или 35. Фе1 с дальнейшим Ка4—с3. Белые отбивают атаку, и черные в эндшпиле с пешкой против коня могут достичь максимум ничьей.

32. Крf1 b5 33. Кс5 b4 (теперь у черных нет почти никакой атаки) 34. Фе1 Фе5 35. Фе3 Ке6 36. Ке6 fe 37. Лс2 с5.

Теперь белым при осторожной игре обеспечена победа, но приходится трудиться до самого конца. Черные защищаются с понятным упорством.

38. Фе2 Фg3 39. Сс4 g6.

Если 39... Лf6, то просто 40. С:e6, а на 39... Лd6 белые играют 40. e5. В случае 39... Фе5 может последовать 40. Лb5. Поэтому черные в силах успешно защитить пешку.

40. С:e6 Крg7 41. Cd5 h5 (подохо 41... Л:f2 и 42... Лf8 из-за 43. Л:h7) 42. Крe1 Фg2 43. Фf1 Фf3 44. Фh3 Фf6 45. Фg3 Фе7 46. Лe2.

Грозило 46... Л:d5, что могло последовать и на 46. Л:h5 или 46. Лd2.

46... Крh6 47. Фе3 g5 48. Лс2 (лучше было сразу 48. Фh3 и 49. Фе6) 48... Лf4!

Новь угрожает взятие на d5 с последующим Лf4—e4.

49. Ле2 h4 50. Фh3 Крg7 51. Фе6 Ф:e6 52. С:e6 Крf6 53. Cf5 c4 54. Лс2 Лd4 55. Крe2 Крe5 56. f3 Лd3 57. Сg4 Крd4 58. Лd2 Л:d2 59. Кр:d2 Лf6 60. Крc2 Ла6 61. Лd1 Крe5 (после 61... Крe3 пешка e4 сразу проходила в ферзи) 62. Лd5 Крf4 63. e5 Л:a2 64. e6 c3 65. Лd4 Крg3 66. e7 Л:b2 67. Крc1 Ле2 68. Ле4 Л:e4 69. fe Кр:g4 70. e8Ф h3 71. Фd7 Крg3 72. e5. Черные сдались».

Занавес

Ни турнирными, ни матчевыми успехами Адольф Альбин (1848—1920) не блистал, но случилось ему выигрывать почти у всех выдающихся современников: Стейница, Тарраша, Пильсбери, Маршалла, Яновского, Шлехтера, Блэкберна, Винавера, Харузека... «Его стиль изобретателен и ярко, обладает радующей глаз стремительностью, — читаем мы в сборнике «Гастингс-1895», — он, возможно, не особенно силен в книжной теории, но прекрасно понимает основы игры». Очевидно, стиль игры Альбина под стать его знаменитому контргамбиту (1. d4 d5 2. c4 e5!?).

Следующие примеры — из его коллекции «скальпов» и собрания афоризмов.

АЛЬБИН ТАРРАШ

Дрезден, 1892

Примечания З. Тарраша

19. f5 Kf4.

Здесь и на 21-м ходу черные еще пытаются создать препятствия на пути противника, но белые не дают себя запутать, сильно и правильно ведя игру.

20. f6 Kpf8 21. Ke7! Фb5 22. Л:f4 (правильный ход! Плохо 22. Фе1 из-за 22... Ке2 и Фb5:e5) 22... Ф:e5 23. Ф:d4 Ф:d4 24. Л:d4 Се6.

Черные сумели отразить прямые угрозы своему королю, но пешка f6, уничтожить которую невозможно, решает эндшпиль в пользу белых.

25. Лd6 Kpf7 26. Ле1 С:a2 27. Kd5!

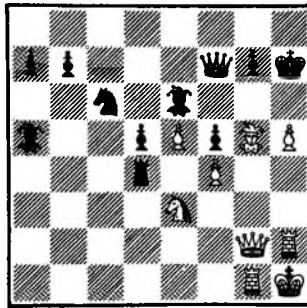
Белые все время делают сильнейшие ходы. Если сейчас 27... С:d5, то сначала 28. Ле7, и ладья h8 остается вне игры.

27... Лhd8 28. Ле7 Kpf8 29. Л:d8 Л:d8 30. Кc3 Cf7 31. Л:b7 a6 32. Ла7 Лd2 33. Ке4 Л:b2 34. Ла8 Се8 35. Kd6. Черные сдались. На 35... Ле2 следует 36. f7.

О, герр Доктор! [Тарраш] Он куда менее глубокий, чем методичен. Он целиком полагаются на свою память, а до других лишь снисходит. Покажите ему вашу лучшую партию — и он тут же заговорит о своей собственной.

АЛЬБИН СТЕЙНИЦ

Нюрнберг, 1896

46. Cf6! (разящий удар) 46... Лd3.

На 46... gf решало 47. Фg6 Ф:g6 48. hg Kpg7 (48... Kpg8 49. g7) 49. Лh7 Kpg8 50. e4.

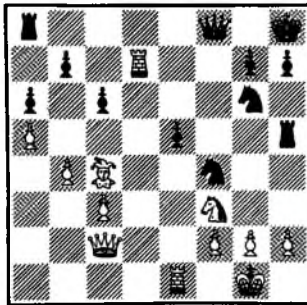
47. Ф:g7 Ф:g7 48. Л:g7 Kph6 49. Л:b7. Черные сдались: на 49... Cd8 (иначе 50. Cg5X) возможно 50. Лh3 с угрозой Ке3—g4.

Игра Стейница, даже в самых заурядных партиях, всегда была узнаваема и поучительна. Игра Ласкера — это точный математический расчет.

АЛЬБИН ХАРУЗЕК

Нюрнберг, 1896

Примечания З. Тарраша

24. Cf7!

Нехорошо было бы 24. Лf7 или 24. Л:b7 из-за 24... Фс8 с угрозой

Фс8—g4. Ход слоном — лучший.

24... Фс8 25. Лed1 Лh6 26. Kg5 Kf8 27. Cc4! Лf6 28. Лf6d6!

Теперь грозит 29. Л:f6 с последующим матом на h7, а на 28... Л:d6 выигрывает 29. Kf7.

28... g6! 29. Л:f6 К:d7 30. Лf7 Kf6 (чтобы на 31. Л:f6 ответить 31... Фg4) 31. h3.

Вместо этого простого защитительного хода белые могли нанести блестящий атакующий удар — 31. Фе4! Например: 31... К:e4 32. Л:h7X, 31... Фg4 32. Л:h7 К:h7 33. Фе5 с матом, 31... Фd8 32. Л:h7 с последующим Kg5—f7, а на другие ходы решает 32. Фе5 или 32. Л:f6.

31... h6 32. Ке6 Kh5 33. Фе4. Черные сдались.

Когда-то шахматная теория плелась как диллижанс, ныне она мчится со скоростью света.

ПИЛЬСБЕРИ АЛЬБИН

Будапешт, 1896

«Великолепная, забавная, отчаянная партия, которая в наилучшем свете показывает большой, самобытный талант предводителя черных» («Berliner Schachzeitung», 1896).

24... Фс7! (с угрозами 25... b3 и 25... Фс3) 25. Лh3 Cc3 26. Kpf1 b6 (открывая слону дорогу на a6) 27. Kpg1 b3!

Все-таки! В случае 28. cb? Cd4 просто теряется фигура.

28. Л:c3 Ф:c3 29. Лb2 Фе1 30. Kph2 Ф:c1 31. Л:b3 Ф:f4 32. Kpg1 Фf2 33. Kph2 Kd2 34. Лс3 Ла4! Белые сдались.

Нет ничего труднее, чем выиграть... выигранную партию.

Публикация Сергея ВОРОНКОВА

Переводы Валерия МУРАХВЕРИ и Татьяны САДИКОВОЙ